

А. С. Г Р И Б О Е Д О В

ЕГО ЖИЗНЬ и ГИБЕЛЬ

В МЕМУАРАХ СОВРЕМЕННИКОВ

Редакция и примечания Зин. ДАВЫДОВА

Издательство «КРАСНАЯ ГАЗЕТА». Ленинград. 1929

ИЗ ЗАПИСОК

1818 г.

Октябрь.

7-го. Якубович⁹⁸ рассказал мне в подробности поединок Шереметева в Петербурге. Шереметев был убит Завадовским, а Якубовичу тогда должно было стреляться с Грибоедовым за то же дело. У них были пистолеты в руках; но, увидя смерть Шереметева, Завадовский и Грибоедов отказались стреляться. Якубович с досады выстрелил по Завадовскому и прострелил ему шляпу. За сие он был сослан в Грузию. Теперь едет через Грузию в Персию Грибоедов. Якубович хочет с ним стреляться и поверил сие мне и Унгерну. Он не зовет нас в секунданты, зная, чему они подвергаются со стороны правительства, но желает, чтобы мы шагах в двадцати находились и помогли бы раненому. Я советовался на сей счет с Унгерном, и мы не находим в Тифлисе места удобного для сего. Грибоедов едет сюда потому, что он находится при Мазаровиче, который назначен поверенным в делах при персидском дворе. Мазаровичу положено при сем месте 3.000 червонцев жалованья, кроме экстраординарной суммы.

8-го. После обеда ходил в сад, дабы найти место, удобное для поединка Якубовича. Вечер провел у меня Якубович. Его образ мыслей на счет многих предметов мне очень понравился.

21-го. Якубович объявил нам, что Грибоедов, с которым он должен стреляться, приехал, что он с ним переговорил и нашел его согласным кончить начатое дело.

Якубович просил меня быть секундантом. Я не должен был отказаться, и мы условились, каким образом сие сделать. Положили стреляться им у Талызина на квартире.

22-го. Я обедал у француза и видел Грибоедова. Человек весьма умный и начитанный, но он мне показался слишком занят собой. Секундант его маленький человек; не знаю, кто он такой ⁹⁹. С ним вместе приехал сюда один капитан Быков, л.-г. Павловского полка, для выбора людей в гвардию. Вечеру Грибоедов с секундантом и Якубовичем пришли ко мне, дабы устроить поединок, как должно. Грибоедова секундант предлагал им сперва мириться, говоря, что первый долг секундантов состоит в том, чтобы помирить их. Я отвечал ему, что я в сие дело не мешаюсь, что меня призвали тогда, как уже положено было драться, следственно Якубович сам знает, обижена ли его честь. И мы начали условливаться; но тот вывел меня в другую комнату и просил меня опять стараться о примирении их, говоря, что он познакомился в Москве с матерью Грибоедова, которая просила его стараться сколько возможно остановить сей поединок, который она предвидела, и, следственно, что долг заставлял его сие сделать. Между тем Якубович в другой комнате начал с Грибоедовым спорить довольно громко. Я рознял их и, выведя Якубовича, сделал ему предложения о примирении; но он их слышать не хотел. Грибоедов вышел к нам и сказал Якубовичу, что он сам его никогда не обижал. Якубович на то согласился. «А я так обижен вами; почему же вы не хотите оставить сего дела?» — «Я обещался честным словом покойнику Шереметеву при смерти его, что отомщу за него на вас и на Завадовском». — «Вы поносили меня везде». — «Поносил и должен был сие сделать до этих пор; но теперь я вижу, что вы поступили как благородный человек; я уважаю ваш поступок; но не менее того должен кончить начатое дело и сдержать слово свое, покойнику данное». — «Если так, так гг. секунданты пушай решат дело». Я пред-

лагал драться у Якубовича на квартире, с шестью шагами между барьерами и с одним шагом назад для каждого; но секундант Грибоедова на то не согласился, говоря, что Якубович, может, приметался уже стрелять в своей комнате.

Я согласился сделать все дело в поле; но для того надобно было достать бричку, лошадей, уговорить лекаря. Амбургер, секундант Грибоедова, взялся достать бричку у братьев Мазаровичей и нанять лошадей. Он побежал к ним, а я к Миллеру, который сперва подумал, что его в секунданты звали, смешался сперва и не хотел согласиться; но когда он узнал, что его просили только помочь раненому, он тотчас согласился и обещался мне на другое утро дожидаться меня. Амбургер, с своей стороны, достал бричку. Все опять у меня собрались, отужинали, были веселы, дружны, разговаривали, смеялись, так что ничего на поединок похожего не было. Желая облегчить поединок (как то был мой долг), я задержал Унгерна и Якубовича у себя, после того, как все ушли, и предлагал Якубовичу кончить все при двух выстрелах, несмотря на то, будет ли кто ранен, и взять восемь шагов между барьерами. Но он никак не согласился на мое предложение, и я принужден был остаться при прежних правилах.

23-го я встал рано и поехал за селение Куки отыскивать удобного места для поединка. Я нашел Татарскую могилу, мимо которой шла дорога в Кахетию; у сей дороги был овраг, в котором можно было хорошо скрыться. Тут я назначил быть поединку. Я воротился к Грибоедову в трактир, где он остановился, сказал Амбургеру, чтобы они не выезжали прежде моего возвращения к ним, вымерил с ним количество пороху, которое должно было положить в пистолеты, и пошел к Якубовичу, а от него к Миллеру; но Миллера я не застал дома. Я побежал в военный госпиталь, нашел его там и сказал ему, что ему уже отправляться пора. Мы с ним условились, что он прежде всех поедет в Куки в военный госпиталь, что

он там дождется, пока я проеду, и поедет в лагерь к колонистам, откуда он будет смотреть к монументу, и как скоро я покажусь верхом из оврага, он поскачет к нам. Якубовичу я сказал, чтобы он отправлялся пешком к месту, спрятався бы за монумент и не выходил бы оттуда, пока я его не позову. Амбургеру с Грибоедовым я сказал, чтобы они в бричке ехали и взяли бы с собой свои пистолеты. Я сам поехал верхом, увидел Миллера, поставил бричку за горой и повел Грибоедова с секундантом. Я полагал, что Якубович, который видел, куда бричка поехала, пойдет за ней; но он пошел к монументу и спрятався за оный. Я забыл, что ему велел туда итти, и когда Грибоедов спросил меня, где он, я поскакал из оврага и, вспомня, что он за памятником, позвал его; но Миллер принял сие за знак, подумал, что ему выезжать пора и тронулся, но он не приметил оврага, в который я опять въехал, и проскакал в горы.

Мы назначили барьеры, зарядили пистолеты и, поставя ратоборцев, удалились на несколько шагов. Они были без куртуков. Якубович тотчас подвинулся к своему барьеру смелым шагом и дожидался выстрела Грибоедова. Грибоедов подвинулся на два шага; они простояли одну минуту в сем положении. Наконец, Якубович, вышедши из терпения, выстрелил. Он метил в ногу, потому что не хотел убить Грибоедова, но пуля попала ему в левую кисть руки *. Грибоедов приподнял окровавленную руку свою, показал ее нам и навел пистолет на Якубовича. Он имел все право подвинуться к барьеру, но, приметя, что Якубович метил ему в ногу, он не захотел воспользоваться предстоящим ему преимуществом: он не подвинулся и выстрелил. Пуля пролетела у Якубовича под самым затылком и ударилась в землю; она так близко пролетела, что

Говорят, будто Якубович воскликнул: «По крайней мере играть перестанешь!» Грибоедов лишился одного пальца на руке, что не мешало ему попрежнему отлично играть на фортепьянах.

Прим. ред. «Русск. Арх.»

Якубович полагал себя раненым: он схватился за затылок, посмотрел свою руку, — однако, крови не было. Грибоедов после сказал нам, что он целился Якубовичу в голову и хотел убить его, но что это не было первое его намерение, когда он на место стал. Когда все кончилось, мы подбежали к раненому, который сказал: «O, sort injuste!» * Он не жаловался и не показывал вида, что он страдает. Я поскакал за Миллером, его в колонии не было; я поехал в город, увидел его вдали и окликнул; он приехал к нам, перевязал слегка рану и уехал. Раненого положили в бричку, и все отправилось ко мне. Тот день Грибоедов провел у меня; рана его не опасна была, и Миллер дал нам надежду, что он в короткое время выздоровеет. Дабы скрыть поединок, мы условились сказать, что мы были на охоте, что Грибоедов с лошади свалился и что лошадь наступила ему ногой на руку. Якубович теперь бывает вместе с Грибоедовым и, по обращению их друг с другом, никто бы не подумал, что они стрелялись. Я думаю, что еще никогда не было подобного поединка: совершенное хладнокровие во всех четырех нас, ни одного неприятного слова между Якубовичем и Грибоедовым; напротив того, до самой той минуты, как стали к барьеру, они разговаривали между собою, и после того, как секунданты их побежали за лекарем, Грибоедов лежал на руках у Якубовича. В самое время поединка я страдал за Якубовича, но любовался его осанкою и смелостью: вид его был мужественен, велик, особливо в ту минуту, как он после своего выстрела ожидал верной смерти, сложа руки.

25-го. Грибоедов перешел поутру на другую квартиру.

Слух о поединке разнесся и дошел до Наумова. Никого больше в том нельзя подозревать, кроме капитана Быкова, который стоял вместе с Грибоедовым; но Наумов ничего не знает наверное. Его мучит любопытство: ему бы

* O, несправедливая судьба!

хотелось, чтобы мы все к нему пришли, повинились бы в своем проступке; тогда он принял бы на себя вид покровителя и, пожуривши нас за молодость, взялся бы поправить все дело, которое не требует поправления. Ему весьма обидно показалось, что мы сего не сделали; он напал на бедного Талызина, не смея на другого напасть, наговорил ему несприятностей и обвинял его в обмане. «Ты должен был все знать, потому что ты вместе с Якубовичем жил; для чего ты мне ничего не сказал и не говоришь?» Бедный Талызин клялся ему, что он ничего не знает. Тогда Наумов позвал к себе Якубовича, хотел из него все выведать самым глупым образом, но ошибся. Он стал уверять Якубовича, что он все знает. «Если вы все знаете», отвечал ему Якубович, «так зачем же вы спрашиваете меня? А я вам говорю, что поединка не было и что слухи эти пусты». Весьма приметно, что Наумов еще недавно имеет такую власть; он хочет ее выказать; его любопытство мучает, и он хотел бы быть в состоянии рассказывать всем на ухо обстоятельства сего поединка, но ему не удалось и не удастся. Вечер мы провели у Грибоедова. Наумов посылал меня к себе просить; я пошел к нему, но не застал его дома.

26-го Наумов прислал сказать Якубовичу, что полковник Наумов приказывает ему выехать из города, а что Сергей Александрович позволяет ему до вечера 27-го числа в Тифлисе остаться. Наумов сим подтверждает то, что я об нем выше написал.

27-го ввечеру Якубович уехал на Карагач в полк. Прорану Грибоедова распушено множество слухов. Унгерн слышал вчера, что пуля ударила его в ладонь и вылетела в локоть.

1819 г.

Январь.

11-го я был у Алексея Петровича [Ермолова], который говорил очень долго о разделении Польши таким красноречием

и с такими познаниями, что мы все удивлялись и заслушались его. Грибоедов проделывает с ним все те же самые штуки, которые он со мной делал, и надует Алексея Петровича, который верно полагает (в нем) пространные и глубокие сведения. Грибоедов умен и умеет так осторожно действовать, что все речи его двусмысленны, и он тогда только дает утвердительное мнение свое, когда Алексей Петрович свое скажет, так что никогда ему не противоречит и повторяет слова Алексея Петровича: все думают, что он прежде тот предмет хорошо знал. Я уже был надут им и видел ход его действий.

16-го. Мне кажется, Грибоедов придирается ко мне, и что у нас не обобдется ладно. Вчера обедал я в трактире и Грибоедов тоже. Пришел туда тот самый толстый Степанов, с которым я раз виделся на его квартире и который отказался от своих слов и просил извинения. Грибоедов не знал его. Увидя его, он спросил меня, та ли это особа, про которую прежде говорено было и которой я боялся. «Как боялся», сказал я: «кого я буду бояться?» — «Да его наружность страшна». — «Она может быть страшна для вас, но совсем не для меня». Меня очень рассердило сие маленькое происшествие. Я дождался, пока Степанов ушел и потом, подзвав к себе Амбургера, спросил у него громко при всех, слышал ли он суждение Грибоедова, который находит наружность Степанова грозною. Грибоедов несколько потерялся и не умел ничем поправиться, как сказав, что он ее грозною потому находит, что Степанов громаден. Тем и кончилось. Грибоедов почувствовал свою ошибку и все вертелся около меня.

22-го я обедал у Алексея Петровича. Грибоедов отличался глупейшей лестью и враками. Я не понимаю, как Алексей Петрович может так долго ошибаться в нем. Он, кажется, к нему еще очень хорошо расположен, и мне кажется сие за счастье, что Грибоедов не остается в Тифлисе, а уезжает с Мазаровичем.

28-го. Уехал отсюда с Мазаровичем в Персию, к великому удовольствию всех, Грибоедов, который умел заслужить всеобщую нелюбовь. Мне кажется, однако же, что Алексей Петрович не ошибся на его счет. Он препоручил Грибоедову сделать описание случившемуся здесь землетрясению для помещения оногo в ведомости. Грибоедов написал ужасную штуку: курпские льды с ревом поколебались, треснули и стремились к пучине; тут был и гром, и треск, и стук, и страх, и разбежавшиеся жители, и опустелый город; землетрясение пять минут продолжалось и пр. и пр. и пр., и все написано так живо и так нескладно, что было больше похоже на силлогизм человеческого преследования. Я узнал, что Алексей Петрович премного его благодарил за сие и расхваливал его; по отъезде же Грибоедова он приказал Могилевскому пересочинить все сие сызнова.

1822 г.

Февраль.

2-го. Пришел ко мне обежать Грибоедов; после обеда мы сели заниматься и просидели до половины одиннадцатого часа: я учил его по-турецки, а он меня по-персидски. Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было, [велики]. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским. Я нашел его очень переменившимся, и он очень понравился вчера. Он мне рассказывал, между прочим, обращение Мазаровича в Персии и каким он образом роняет честь своего звания, а следственно и государя, своим поведением в Персии. Когда получены были бумаги из Петербурга, которыми извещали персидский двор, что турки своим поведением навлекают на себя гнев государя и сами задирают нас к войне, надобно было объяснить Аббас-Мирзе¹⁰⁰, что государь желает дать знать всем народам, что не страсть к завоеваниям его к сему понуждает, но единственно неправильные поступки турок против него. Грибоедов

ходил к Мирзе и объяснил ему сие, говоря, что государь не требует союзников, но дает только ему знать о сем. Аббас-Мирза, обрадованный сим случаем, обещался выставить 50 тысяч воинов и идти на турок, что он и сделал. На другой день Мазарович, увидевшись с ним в саду, стал ему о том же говорить; но, вместо того, чтобы соблюсти благопристойность, он просил Аббас-Мирзу быть союзником нашим, и, в знак благодарности, когда тот объявил свое согласие, схватил у него руку и поцеловал ее. Вот поступок, достойный иностранца, наемщика в нашей службе¹⁰¹.

3-го. Грибоедов приходил ко мне поутру, и мы занимались с ним до пяти часов вечера.

5-го. Я провел часть дня у Грибоедова, занимаясь восточными языками.

6-го. Был день происшествий... Воейков¹⁰² был у меня и, заставши у меня Грибоедова, сказал мне в другой комнате, что еслиб я одну вещь знал, то бы она меня очень рассердила. Я просил у него объяснения, он не хотел объясниться, наконец он ушел.

Пришел Бобарыкин¹⁰³, а за ним Воейков, я просил их изъяснить мне, в чем состояли слова, сказанные Воейковым поутру, полагая, что тут касается нечто до Грибоедова. После долгих отговоров Бобарыкин сказал мне, что накануне Грибоедов изъяснялся у Алексея Петровича Петру Николаевичу [Ермолову] насмешливо насчет наших занятий в восточных языках, понося мои способности и возвышая свои самыми невыгодными выражениями на мой счет. Меня сие крепко огорчило. Необходимо должно было иметь поединок, чтобы остановить Грибоедова, что было весьма неприятно. Я пошел к Воейкову, где нашел Бобарыкина, объяснил им, сколько происшествие сие было неприятно для меня, послав вслед за сим к Грибоедову книгу его и велев потребовать мои назад; и то было вмиг исполнено. Вскоре за сим явился ко мне Грибоедов, дабы

я ему объяснил причины, понудившие меня к сему поступку. Я ему объяснил их и назвал свидетелей. Мы напали все на него и представляли ему его неосторожность. Он извинился передо мною и просил, чтобы я забыл сие; но Бобарыкин, имея старые причины на него сетовать, продолжал спорить с ним. Сие подало повод к колкостям с обеих сторон. Бобарыкин сознавался, что он не должен был мне передавать этих слов, не объяснившись сперва с Грибоедовым, но сказал, что уважение его и преданность ко мне понудили к сему. В самое это время Грибоедов вскочил и ушел.

Мое дело было поправлено, но Бобарыкин и Воейков оставались на дурном счету в глазах Грибоедова. Я намеревался и теперь намереваюсь пресечь понемногу знакомство с ним; но тут я должен был примириться с ним и принять его извинения, и потому я отправился с Бобарыкиным к нему и примирился с тем условием однако ж, чтобы: 1) Грибоедов не смел после разносить сего и 2) чтобы он вперед был осторожнее в своих речах. Он охотно согласился на сие и дал честное слово, что вперед будет осторожнее и нигде не разгласит сего дела. Я отдал ему книги и обещался заниматься попрежнему с ним. Бобарыкин извинился в том, что он мне сказал сие, а Грибоедов в том, что прежде подал ему повод неудовольствия на себя своими неосторожными шутками. И мы так расстались. Перед отходом Грибоедов дал мне письмо, которое он хотел послать к Петру Николаевичу, которым он просил его помирить его со мною. Я сжег сие письмо и пошел к Воейкову, куда вскоре и Грибоедов пришел и просидел с нами до 11 часов вечера.

10-го. Я был почти целый день дома и занимался. Я писал к Грибоедову записку, в которой я объяснял ему, что занятия мои по службе не позволяют мне больше продолжать занятия наши в восточных языках и что в субботу должен у нас последний урок быть. Вечеру

поздно он ко мне пришел и просидел до полночи. Образование и ум его необыкновенны.

Март.

15-го. Поутру заходил ко мне Грибоедов с англичанином Мартином, который оправился от своей болезни и собирается на днях отсюда ехать.

19-го. Я провел часть дня у Грибоедова и обедал у него, занимаясь с ним турецким языком.

31-го марта провели у меня вечер Грибоедов и Кюхельбекер; первый был так любезен вчера, что можно бы почти забыть его свойства.

Апрель.

16-го я ходил ввечеру в собрание и узнал там от Грибоедова происшествие, недавно случившееся между Кюхельбекером и Похвисневым ¹⁰⁴. На - днях они поссорились у Алексея Петровича, и как Похвиснев не соглашался выйти с ним на поединок, то он ему дал две пощечины. Алексей Петрович, узнавши о сем, очень сердился, сказав что Кюхельбекера непременно отправит отсюда в Россию а между тем велел, чтобы они подрались. У Похвиснева назначен секундантом Павлов, а Кюхельбекер послал в Гомгоры по сему предмету за артиллерийским штабс-капитаном Листом, с которым он очень дружен.

19-го я обедал у губернатора, где слышал от него самые неприличные отзывы об Вельяминове. Ермолов после обеда проехал ко мне и рассказал мне дело Похвиснева с Кюхельбекером. Грибоедов причиною всего, и Кюхельбекер действовал по его советам. Мне сказал Ермолов, что Алексей Петрович имел тайное приказание известить Кюхельбекера; невзирая на то, кажется, что слабость его допустит последнего до того же состояния, в котором он прежде был принят у него в доме.

20-го. Кюхельбекер стрелялся с Похвисневым; один дал промах, у другого пистолет осекся, и тем дело кончилось.

Май.

4-го в 9 часов утра Ермолов уехал. Грибоедов, проводив его, приехал ко мне обедать.

1827 г.

Февраль.

В начале года я опять приехал из Манглиса * в Тифлис, но с твердым намерением не отлагать более избрания себе супруги.

... Я не колебался в выборе себе невесты и не помышлял избрать Александру Перфильевну или дочь князя Арсения Бebutова, но устремил мысль мою на нынешнюю жену свою, хотя и не чувствовал к ней сильной страсти и хотя мне несколько нравилась княжна Нина Чавчавадзе, но ее лета, ум и воспитание далеко отстали от тех же качеств Сонюшки Ахвердовой. Я совещался с Мазаровичем, дабы узнать в подробности те обстоятельства, которые затрудняли меня в решении, а именно состояние дел ее, сношения с мачихою и тот обширный круг всякого народа, который ежедневно наполнял дом их и который бы я весьма желал удалить от себя.

Я узнал от Мазаровича, что хотя и нельзя было ожидать приданого (потому что все имение, оставленное ей и брату ее покойным отцом ее, было запутано, повидному, беспечностью опекуна князя Чавчавадзе и неумеренностию мачихи ее), но долгов она не имела, и сего мне было достаточно, ибо я не искал богатства, но искал жены. О состоянии мачихи я также узнал, что оно было в самом расстроенном положении, что она была вся в долгах, но что долги сии несколько не падали на сирот. Насчет шумного круга, посещавшего дом ее, Мазарович уверял меня, что с появлением моим он весь разойдется, и сей последний предмет один только мог меня затруднить.

* В Манглисе стоял Карабинерный полк, которым командовал Н. Н. Муравьев.

Впрочем, дабы иметь лучшие сведения, я обратился к Грибоедову, коему состояние дел ее было известно. Он достал мне какую-то таблицу, по коей видно было, что долги старухи простигались сверх 30.000 р., что именне падчерицы ее хотя и полагалось на лице, но что оно было все почти издержано старухою...

Касательно сношений моих со старухою, Грибоедов уверял меня, что он на моем месте всячески старался бы удалить ее в Россию после свадьбы, в чем он был совершенно справедлив. Он сам был весьма рад намерению моему и всячески старался склонить меня в деле, коем не нужно мне было посторонних советов, почему я и не просил его дальнейшего участия. Но тут же, при объяснениях, сообразился я ему, что Нина Чавчавадзе мне более нравилась, а он сообразился, что был неравнодушен к Ахвердовой, но не помышлял о женитьбе, потому что не имел состояния.

Я не имел с Грибоедовым никогда дружбы; причины сему были разные. Поединок, который он имел с Якубовичем в 1818 г., на коем я был свидетелем со стороны последнего, склонность сего человека к злословию и неуместным шуткам, иногда даже оскорбительным, самонадеянность и известные мне прежние поступки его совершенно отклонили меня от него, и в сем случае, хотя доверенность, мною ему сделанная, сблизжала меня с ним некоторым образом, но не склонила меня к нему с лучшим душевным расположением, и я до сих пор остался об нем мыслей весьма невыгодных насчет его нравственности и права.

Между тем, слух, не знаю на чем основанный (ибо я повода оному не давал), разнесся по городу, что я женюсь на Перфильевой. Так как я не был оному виною, то и не заботился о прекращении оного, и оставил всех в заблуждении сем, более скрывавшем действия мои для достижения предполагаемой мною цели.

Жена моя имела несколько женихов. Давно уже, вскоре после смерти отца ее, ветренная мачиха ее обру-

чила ее почти в ребячестве с офицером, родом греком, по имени Севинис ¹⁰⁵, который стал всем известен славным воровством известной в мире жемчужины, сделанным им года четыре тому назад в Москве у купца Зосимы *. Человек сей, пришелец из неизвестного отечества, прибыл в Грузию, распустил великолепные слухи о происхождении своем и богатствах своих, подложными письмами обольстил Прасковью Николаевну Ахвердову и сделался женихом Сонюшки Ахвердовой, но был через несколько времени изобличен в плутовстве своем Грибоедовым, который выгнал его из Тифлиса, прекратил связь его с домом Ахвердовых и тем приобрел неограниченную доверенность Прасковьи Николаевны.

... Не прежде 18 или 19 февраля пришло внезапное известие о скором прибытии начальника главного штаба Дибича, который уже находился на линии.

... Дибич проехал на дрожках весьма шибко, в полной форме, прямо к Алексею Петровичу, коего он был моложе, и явился к нему. Мы долго ожидали его с Паскевичем на площади; наконец, он приехал к нам, вышел к разводу, был очень весел и любезен и успокоил многих.

Все любопытствовали узнать о свидании его с Ермоловым. Узнали, что они обошлись очень дружески, и многие лица вытянулись внезапно. Пошли разные разговоры по городу, и многие убеждались уже, что Алексей Петрович не будет сменен и что Паскевич уедет назад.

Апрель.

Не помню которого числа апреля месяца Дибич решился объявить Алексею Петровичу о смене его Паскевичем ¹⁰⁶. Немедленно был отдан о сем приказ по корпусу, и новый начальник вступил в отправление своей должности. Казалось, что Дибич имел о том повеление государя, и он медлил объявлением сего, дабы самому

* См. подробности в воспоминаниях Н. И. Шенига в «Русск. Арх.», 1881 г., I, 238.

успеть вникнуть в дела. Может быть, даже не решался он еще и привести в исполнение смену сию, которую, может быть, государь предоставил ему сделать только в случае надобности. Но как бы то ни было, дело было ведено столь тайно, что хотя Алексей Петрович и думал о потере своего места, но никогда не был в сем уверен, трудился до последней минуты и был поражен сею новостью. И в сем случае не умел он себя вести: имея всех за себя видя участие, которое все в нем принимали, он был мало-душен, то жаловался, то сердился, то смеялся, то употреблял выражения неприличные ни сану его, ни летам, и не умел сохранить того спокойного величия, коим бы он мог сразить врагов своих. Напротив того, они торжествовали, видя, сколько падение оскорбляло его и выводило из границ благоразумия. Говорят, что Дибич сам прослезился, объявив ему сию волю государя. Они не переставали затем видеть друг друга; но, кажется, что новое правительство крепко наблюдало за влиянием, которое перемена сия произвела во всех умах. Солдаты, узнав о смене любимого ими начальника, роптали. Гвардейские офицеры стали толпами ездить к смененному начальнику и тем показывать ему преданность свою. Грузины в сем случае всех хуже вели себя. Глупое сословие сие, надеясь приобрести несчетные милости, награждения и выиграть по всем бестолковым искам своим (за исключением малого числа благоразумнейших) передались самым унижительным образом к новому начальству, выставив из среды своего круга ябедников, доносчиков, льстецов и лгунов. В числе сих, к стыду, находился, между прочими облагодетельствованными Алексеем Петровичем, генерал князь Эрстов. Ему сопутствовал равный ему по глупости предводитель дворянства князь Багратион-Мухрапский. Сперва ябеды их принимались с удовольствием; доходило даже до того, что спрашивали во многих случаях и советов их, по люди сии себя скоро открыли и сделались теперь предметом общего и начальников своих пренебрежения.

Не подвержено почти сомнению и то, что Грибоедов в сем случае принял на себя обязанности несогласные с тем, чего от него ожидали его знакомые. Казалось бы, что и самые связи родства, в коих он находился с Паскевичем, не должны были его склонить к принятию постыдного звания доносчика *.

Май.

Часто повторявшееся состояние иступления, в которое приходил Паскевич без всякой причины, возродило в нем, наконец, желчную болезнь, с которой он через несколько дней своего пребывания в Шулаверах и выехал в Джелал Оглу.

По прибытии в лагерь за Бабьим Мостом болезнь его усилилась до такой степени, что к ночи, казалось, уже было мало надежды к его выздоровлению. Видя, сколько потеря его могла произвести беспорядка и помня обещание, данное мною Дибичу не оставлять его и быть терпеливым, притом же руководимый человеколюбием, я принял личное участие в его болезни и, вместе с Грибоедовым, который ему был родственником, не оставлял его и служил, как ближнему, стараясь сколь возможно его успокоить и помочь ему, о чем он и отозвался однажды благодарностию.

Июнь.

Пока мы ездил на рекогносцировки к Эривани, войска обеих колонн прибывали к Эчмиадзину со своими транспортами в жалком состоянии: арбы ломались от дурной дороги, быки дохли от бескормицы, и люди, заболевая, наполняли госпиталь, лишенный почти всех средств к содержанию больных. Все были утомлены от зноя; но нельзя еще было вперед тронуться, потому что войска не собрались. Болезни распространились и между офице-

* Далее в подлиннике четыре строки зачеркнуты, и разобрать их невозможно.

рами до такой степени, что во всей главной квартире я оставался почти один здоровый и исправлял в одно время должности начальника штаба, дежурного штаб-офицера и старшего адъютанта. Я сам не понимаю, как я успевал все сие обделывать; но зато я уже не имел покоя и несколько ночей провел без сна. Однажды, потребовав меня к себе, Паскевич вспомнил о давнишнем намерении правительства нашего завоевать Астрабад и приказал в ту же минуту написать о сем предположение, которое он хотел послать к Дибичу. Я отвечал ему, что сие должно было основать на подробных сведениях о морских и провиантских средствах наших в Астрахани и в Баку, что мне было неизвестно, и потому я не мог взять на себя положения сего, особливо в столь короткое время, как он сего требовал. Он отнес ответ сей в недоброй воле моей и приказал непременно сделать, говоря, что я там был и должен все знать. Видя, что нечего делать, я занялся сим делом и чрез несколько часов представил ему записку, в которой были самые неосновательные предположения по сему предмету, что оговорено было и в самом рапорте, изготовленном мною от Паскевича к Дибичу. Записка сия, которая ровно не могла ни к чему служить, сначала ему понравилась, и он принял меня ласково; но, по прочтении рапорта, ему показалось что-то в ней несогласное с его образом мыслей, а потому он начал перемарывать оную и поправлять. Паскевич читал и перечитывал рапорт сей, но сам не постигал его; наконец, по обыкновению своему, рассердился и, сказав, что он неверно списан, приказал к себе принести черновой, нашел его во всем сходным с подлинником, наставил еще точек и запятых, так что смысл оного совершенно уже затмил, и отдавая мне оный для отправления: «Voilà, monsieur», сказал он, «comme il faut strictement observer la ponctuation; tout dépend de là»¹⁰⁷. Я не мог смеяться; но вышел из комнаты, встретил Грибоедова, которому и объяснил, сколько я затруднялся послать сию бумагу к Дибичу, прося его

совета, как поступить в сем случае. Он мне сказал, что делать было нечего и что рапорт надобно уже было так отправить, что я и сделал; но кажется, на оный и ответа не было, по крайней мере, ответ сей мне в руки не попался. Я старался достать список впоследствии времени с сего донесения, дабы поместить оный как редкость в сии записки, которые я предполагал всегда продолжать; но не нашел к тому средств и оставил дело сие, которое могло подвергнуть меня большим неудовольствиям.

29-го числа на рассвете я отправился к Аббас-Абаду с Рененкампом и сотнею казаков. Я держался влево, дабы открыть движение свое за продолговатыми возвышениями, идущими на расстояние одной или полуторы версты от крепости, и, скрывшись за бугор, спешил казаков, оставил за бугром лошадей и выслал пеших людей за бугор, дабы оставить неприятеля в недоумении о числе людей, оставшихся за бугром. Хитрость сия, как я после узнал от самих персиян, имела полный успех; ибо они, предполагая, что у нас за горою засада и скрываются силы, не смели с большими силами напасть на нас и не истребили мой слабый отряд.

По вершине сего продолговатого бугра я прошел с пешими казаками до оконечности, подходящей под самую крепость, откуда спустил несколько человек влево, а сам поехал с несколькими казаками вправо для обозрения крепости. Мы подъехали с Рененкампом к развалинам стен, оставшихся с северной стороны Аббас-Абада, как увидели персидскую конницу в числе 600 человек, переправляющуюся через Аракс и подвигавшуюся ко мне. Я хотел отступить на бугор и защищаться на оном до прибытия новых сил из лагеря; но Рененкамп советовал лучше потребовать к себе казаков, отступать равниною, понемногу отстреливаясь, а между тем послать в лагерь с приказанием 3-й сотне поспешить прибытием к нам на помощь. На сем и решились. Мы дождались на месте казаков, оставленных на бугре, и, построив их в две линии, отсту-

пали с одною шагом, пока другая стояла лицом к неприятелю. Персияне также выстроились фронтом и пустились было на нас рысью; но, увидя порядок, в коем мы отступали, остановились и выслали фланкеров, что и я сделал, чтобы занять их до прибытия подкрепления. Между тем я посадил засаду из 20 казаков в деревне, которая у меня была на правом фланге, дабы отрезать фланкеров их, задающихся слишком вперед; но 3-я сотня казаков уже скакала ко мне на помощь, и неприятель, собрав фланкеров своих, начал отступать под самую крепость. Причиною сего отступления персиян, кажется, более всего было то, что они заметили толпы конницы, подвигавшиеся к нам из лагеря, в коем делалось следующее.

Паскевич, увидя из окон своих перестрелку, засуетился и рассердился. Грибоедов, который в то время был при нем, и другие его окружающие советовали ему послать ко мне подкрепление, говоря, что я могу погибнуть с горстью людей против такого сильного неприятеля. «Пускай он погибает!» отвечал Паскевич. «Если он расторопный офицер, то сам отделается; если же он плох, то мне не нужен, и пускай погибает». Надеюсь однако захватить персиян, которые бы слишком далеко заехали в ожидаемом им преследовании меня, он вскоре поднялся со всею кавалериею и выехал на высоты, которые были за моим правым флангом; но, видя, что неприятель стал отступать, остановился и послал за мною Бородина, который застал меня уже совершенно вне опасности и свободного от неприятеля, на лугу за завтраком, и сказал, что Паскевич сердит, бранится и требует меня к себе.

Я приехал к нему. Он напустился на меня с криком, спрашивая, как я смел завязывать дело, тогда как он меня послал единственно для того, чтобы заманить неприятеля и скакать в лагерь, дабы дать ему случай отхватить гнавшихся за мною. Я отвечал ему, что если в том была цель его, то он бы с большим успехом употребил казачьего

офицера с несколькими казаками, но что я такого приказания никогда не получал и, напротив того, имел приказание осмотреть крепость. «Неправда, сударь», сказал он в сердцах. Тогда я ему напомнил, как он приказывал мне осмотреть ров крепостной, и сказал, что я опасался еще ответственности за то, что не исполнил в точности его приказания. После сих слов Паскевич перестал браниться; он постоял несколько времени на возвышении с конницею и возвратился в лагерь.

Июль.

Паскевич, просмотрев со мною принесенные бумаги, обратился ко мне с дружеским видом: «*Mon cher général*», сказал он, «*faites moi l'amitié d'écrire de ma part un mot au général Sipiaguine, pour le prévenir de la victoire, en lui disant, que les détails ultérieurs viendront à la suite*»¹⁰⁸. Возвратясь в свою палатку часу во втором после полночи, я продиктовал Ахвердову, при мне находившемуся в должности адъютанта, письмо от Паскевича к Сипягину, в коем пояснено было вкратце все дело, не упустив ничего того, что могло служить к представлению дела сего в настоящем виде, т.-е. победы, означив число пленных, знамен и пр. Но как я удивился, когда, по прочтении письма сего Паскевичу, я увидел, что он выходил из себя.

— Кто это писал? — закричал он.

— Я писал.

— Кто писал? — возразил он снова.

— Писал Ахвердов по моей диктовке.

— *Arrêtez-moi cet homme*, — закричал он: — *c'est un petit coquin*¹⁰⁹.

Я, разумеется, не арестовал его, а спросил Паскевича, чем Ахвердов провинился.

— Вы, сударь, — отвечал он мне в пылу, — не поместили всего в реляции.

— Это не реляция,—сказал я,—а краткое письмо в предупреждение генерала Сипягина, до отправления настоящей реляции, которую вы мне не приказывали писать.

— Вы, сударь, скрыли число пленных ханов: их взято семь, а не три, как вы записали.

— Их взято только три.

— Неправда, сударь, семь взято; сочтите их в палатке.

В палатке точно сидело семь человек пленных с ханами, но в том числе были и прислужники их, что я ему и объяснил; но он не хотел принять сего.

— Вы написали мало пленных,—продолжал он.—Алексею Петровичу Ермолову написали бы вы 30 ханов и 30.000 неприятельского урона, а мне вы не хотите написать семи ханов. Когда Суворов имел дело с войском сильнее 30.000, то у него менее 80.000 неприятеля в реляциях не значилось. Вы знаете, как он всегда увеличивал урон неприятеля, а мне вы сего сделать не хотите; но я знаю, что это все последствия интриг ваших с Ермоловым: вы хотите затмить мои подвиги и не щадите, для достижения цели вашей, славы российского оружия, которую вы также затемнить хотите, дабы мне вредить.

Слова сии были столь обидны, что я не мог выдержать оных.

— Ваше высокопревосходительство обвиняете меня, стало быть, в измене, отвечал я. Обвинение сие касается уже до чести моей, и после оногo я не могу в войске более оставаться. Прошу вас отпустить меня теперь в Тифлис.

— Как вы смаете проситься? — сказал он.

— Я доведен до крайности.

— Но вы знаете, что теперь ни отпусков, ни отставок нет.

— Знаю, а потому и уверяю вас, что моя главная цель состоит единственно в том, чтоб не служить под начальством вашим; каким же образом достигну до оной, до того мне дела нет. Вы меня до того довели, что я буду счастлив удалиться отсюда, под каким вам угодно будет

предлогом. Угодно вам, отпустите меня; угодно, командуйте по службе; угодно, ушли, удалите со взысканием, как человека неспособного, провинившегося, с пятном на всю мою службу. Я уверяю вас, что всем останусь довольным, лишь бы не при вас служить.

— Хорошо, — сказал он с видом гораздо спокойнее, — я ваше дело решу уже, а теперь прошу вас до того времени продолжать занятия ваши попрежнему.

Я пошел к Грибоедову, рассказал ему все происшествие и объяснил, что более в войске не остаюсь. Сколь ни было прискорбно Грибоедову, по родству его с Паскевичем, видеть ссору сию, но он не мог не оправдать поведения моего в сем случае.

На другой день я пошел обедать к Паскевичу и не показывал более вида неудовольствия, будучи в полном уверенности, что меня отпустят. Вечеру пришел я к нему с бумагами. Рассмотрев оные, он вдруг обратился ко мне:

— Неужели, — сказал он, — вы еще сердитесь на меня за вчерашнее? Оставьте это, я прошу вас о том. Я вас обидел совсем без намерения огорчить вас и от одной вспыльчивости своей. Будьте уверены, что я к вам имею совершенное уважение. Прошу вас продолжать занятия ваши и оставаться в службе со мною.

Меня тронуло его сознание. Мы обнялись, и я изъявил ему готовность продолжать при нем службу. Такие сцены между нами и после того еще несколько раз случались.

Паскевич всякой вечер собирал всех к себе говорить о делах...

Сухтелен настаивал, чтоб отступить до начала осенней кампании в Карабабу, что было при начале ущелья, по коему пролегалли дороги в Карабаг, и там укрепиться, и Паскевич утвердился на сем последнем мнении, хотя и с неудовольствием. Но тогда явилось новое обстоятельство. Внезапно приехал к нему от Аббас-Мирзы посланец Мирза-Сале, который подавал надежды на заключение мира.

Предложения еще не были известны, а для пояснения оных был отправлен в персидский лагерь к Чорсу Грибоедов; но так как обратное движение в Карабабу было уже решено, то и не захотели отменять оною, а потому старались всячески скрыть намерение сие от Мирзы-Сале, который, однако же, кажется, проведал об оном.

Для сего было изобретено непостижимое средство. Бенкендорф должен был проводить с кавалернею Грибоедова на некоторое расстояние за Аракс, и в то же время пехота должна была отступать от Аббас-Абада к Нахичевану, как-будто бы первый отряд мог скрыть движение второго. Ребячье изобретение сие было приведено в исполнение и, разумеется, без малейшего успеха, ибо кроме того, что отступление наше было уже наперед известно персиянам, они имели сведения и от лазутчиков.

В конце июля возвратился Грибоедов от Аббас-Мирзы. Он говорил, что переговоры пошли было очень хорошо, но что вскоре персияне узнали о нашем обратном движении и, сочтя сие за отступление по слабости нашей, они переменили речь и уже не согласились на предлагаемые им условия и, кажется, уступали нам только одну Баш-Абаравь. Казалось в самом деле, что переговоры о мире и вместе с тем отступление при различных требованиях наших были несовместны. Кажется также, что Грибоедов в сем случае действовал с надлежащею твердостью и говорил с персиянами с приличною ему и в тех обстоятельствах дерзостью, но без успеха.

С ним приехал также опять к нам Мирза-Сале; но его не допустили до лагеря, а остановили на аванпостах, где дали ему ответ и отпустили назад. И тем кончились все надежды наши видеть мир.

1828 г.

25-го [июля] ввечеру я виделся на весьма короткое время с Грибоедовым, который, отъезжая в Персию в званнии генерального консула¹¹⁰, заехал повидаться с Паскевичем

и принять от него приказания. Но сему посещению была еще следующая причина. Грибоедов съездил курьером к государю с донесением о заключении мира с Персией, получил вдруг чин статского советника, Анну с бриллиантами на шею и 4000 червонцев. Человек сей, за несколько времени перед сим едва только выпутавшийся из неволи, в которую он был взят по делу заговорщиков 14 декабря и в чем он, кажется, имел участие (за что и был отвезен с фельдъегерем в Петербург к допросу), достижением столь блистательных выгод показал редкое умение свое. Сего было мало: он получил еще в Петербурге место генерального консула в Персии с 7000 червонцами жалованья, присвоенными к сему месту. Грибоедов таким образом вмиг сделался и знатен, и богат. Правда, что на сие место государь не мог сделать лучшего назначения; ибо Грибоедов, живши долгое время в Персии, знал и хорошо обучился персидскому языку, был боек, умен, ловок и смел, как должно, в обхождении с азиатами. Притом же, по редким способностям и уму, он пользовался всеобщим уважением и лучше кого-либо умел поддерживать в настоящей славе звание сие как между персиянами, так и между англичанами, имевшими сильное влияние на политические дела персиян и пребывающими постоянно в Таврисе, под предлогом учителей или образователей регулярного войска.

Я, кажется, выше упоминал, в каких личных сношениях я находился с Грибоедовым. Я был весьма далек от того, чтобы к нему иметь дружбу и (как некоторые имели) уважение к его добродетелям, коих я в общем смысле совсем не признавал в нем, а потому и не буду повторять сего. Но как я сам удалялся от него, то и всякое сближение его с семейством моим было для меня неприятно. Мне всегда было досадно видеть, сколько Прасковья Николаевна имела к нему доверенности, и тем неприятнее было узнать о сильном участии, которое она приняла в помолвке Грибоедова на Нине Чавчавадзевоу, ибо он

к нам под Ахалкалак приехал, к удивлению всех, уже женихом ее.

Грибоедов имел много странностей, а часто и старался прослыть странным, для чего говорил вещи странные и удивлял других неожиданностью своих поступков. Нина прежде его еще несколько занимала, и как он извлекал из всего пользу для своей забавы, то пользовался пущенным о том слухом, дабы выводить из себя ее страстного обожателя Серезу Ермолова. За это однажды у них дошло было почти до поединка, что и прекратило насмешки Грибоедова. Приехавши из Петербурга со всею пышностью посланника при азиатском дворе, с почестями, деньгами и доверенностью главнокомандующего, коего он был родственник, Грибоедов расчел, что ему не доставало жены для полного наслаждения своим счастьем. Но, помышляя о жене, он, кажется, не имел в виду приобретение друга, в коем мог бы уважать и ум, и достоинства, и привязанность¹¹¹. Казалось мне, что он только желал иметь красивое и невинное создание подле себя для умножения своих наслаждений. Нина была отменно хороших правил, добра сердцем, прекрасна собой, веселого нрава, кроткая, послушная, но не имела того образования, которое могло бы занять Грибоедова, хотя и в обществе она умела себя вести. Не имея никого другого в виду, Грибоедов думал о Нине и с сими думами отправился в Гумры, дабы оттуда приехать в Карс к Паскевичу, но дорогою вздумал жениться и внезапно возвратился в Тифлис, приехал ко мне в дом и открыл свое намерение Прасковье Николаевне, которая от сего была в восхищении. Кроме того, что она надеялась видеть их счастливыми, потому что заблуждалась насчет Грибоедова, ей льстил выбор Грибоедова, ибо Нина была ею воспитана. Она, может быть, вспомнила вскоре после первой радости своей, что сие супружество подает ей средства поправить свои дела по доверенности, которую Грибоедов имел у Паскевича. Она вмиг побежала к Чавчавадзевым и без затруднения нашла ско-

рое согласие на сие матери и бабки Нины, двух грузинок, из коих последняя хотя и умная женщина, но прельщалась связью и сближением с великою, единою ведомою им властью главнокомандующего в Грузии, коего участие было весьма нужно в расстроенном состоянии дел семейства их и тяжбах, [которые они] имели с казною.

Грибоедову сказано было испросить согласие Нины. Он к сему приступил весьма простым образом и получил свое. Нина после говаривала, что она давно уже имела душевную склонность к Грибоедову и желала его иметь супругом. Все сие было улажено у меня в доме. Послали курьера к отцу Нины, который начальствовал войсками и областью в Эривани, и ответ от него получен, без сомнения, утвердительный; он всех более радовался сему союзу.

Итак, Грибоедов из Тифлиса приехал к нам в Ахаллакский лагерь женихом. Я его видел, так сказать, мельком в палатке у Паскевича, и он хотел уже со мною быть на родственной ноге, ибо Ахвердовы были через князей Челокаевых в родстве с Чавчавадзевыми; но я не отвечал ему тем же образом, и он мог видеть во мне прежнюю мою недоверчивость к нему. Мне весьма не нравилось, напротив того, сближение его с моим семейством, и я безошибочно был уверен в сильном участии, которое Прасковья Николаевна принимала в сем браке. И Сережа Ермолов был в досаде, но он старался скрыть сие и говорил, что более не думает о Нине и желает ей всякого счастья.

Грибоедов женился по возвращении в Тифлис со всею пышностью посланника, и с таковой же отправился вместе с женою в Персию, где он был убит в народном возмущении. Происшествие сие будет описано в своем месте. К удивлению многих прочитали в журнале Греча после смерти Грибоедова напечатанное письмо его к Гречу¹¹², в коем он описывает обстоятельства его женитьбы. На Нину он взирал более как на забаву, чем на жену. Я дал сие заметить Прасковье Николаевне, коей выражения его также

не нравились; но будучи уже слишком ослеплена им, она не могла сознаться в своем ошибочном о сем человеке понятии.

... Княжна Нина Чавчавадзе вышла в сем году замуж за Грибоедова. Дело сие сделалось внезапно, пока мы находились под Ахалкалаками. Кажется, что к сему способствовала Прасковья Николаевна, коей слишком короткое обхождение с Грибоедовым и даже дружба с ним весьма предосудительны и не могли мне нравиться, когда я весьма далек от того, чтоб иметь хорошее мнение о человеке сем. Мне даже не могло посему быть и приятно, что он был принят, в отсутствие мое, в доме, коего я хозяин, как самый ближайший родственник. Нет сомнения, что Сергей Николаевич Ермолов не мог быть супругом Чавчавадзевоу; но, зная его добрый нрав и честные правила, я бы всегда предпочел его в сем случае Грибоедову, на правила коего не мог бы я положиться. В сем случае руководствовали родителями разные виды, кроме доверенности, которую имели к жениху. Он был назначен министром к персидскому двору, получил непомерно большое содержание, получал от государя, по представлениям (Паскевича, коему он в добавок был по жене двоюродный брат) большие денежные награждения. Все сие способствовало ему, и он получил весьма скоро согласие родителей. Князь Александр¹¹³ так поторопился в сем случае, что даже не уведомил меня о том предварительно, как мы о том уговорились, при прекращении ходатайства моего о Сергее Николаевиче, коему следовало бы сперва отказать.

Описывая разные связи и интриги Тифлиса, нельзя умолчать о причинах, которые, как кажется, подали повод к сближению Грибоедова с З[авицейским]¹¹⁴, каковое всем казалось безобразным по совершенному различию сих двух особ.

Когда Грибоедов ездил в Петербург, увлеченный воображением и замыслами своими, он сделал проект о преобразовании всей Грузии, коей правление и все отрасли промышленности должны были принадлежать компании наподобие Восточной Индии. Сам главнокомандующий и войска должны были быть подчинены велениям комитета от сей компании, в коем Грибоедов сам себя назначал директором, а главнокомандующего членом; вместе с сим предоставил он себе право объявлять соседственным народам войну, строить крепости, двигать войска и все дипломатические сношения с соседними державами. Все сие было изложено красноречивым и пламенным пером и, как говорят, писцом под диктовку Грибоедова был З[авилейский], которого он мог легко завлечь и в коем он имел пылкого разгласителя и ходатая к склонению умов в его пользу. Грибоедов по сему старался и многих завлечь; он много искал сближения со мною, но я всегда удалялся от него. Когда он приезжал в Ахалкалаки на короткое время, обручившись с Ниною Чавчавадзевою (супружество, предпринятое им в тех же пламенных и пылких ожиданиях, по коим он сам хотел переобразоваться в жителя Грузии, супружество, которое никогда не могло быть впоследствии времени счастливым по непостоянству мужа и коему покровительствовала ослепленная Грибоедовым Прасковья Николаевна), он замолвил о своем проекте Паскевичу (что уже было в отсутствие мое к Хыртысу) и, говорят, настаивал, чтобы приступлено было к завоеванию турецкой крепости Батума, что на Черном море, как пункта необходимо нужного для склада в предполагаемом распространении торговой компании. Говорят, что Паскевич несколько склонялся к сему, увлеченный надеждою на легкие сношения с царевною Софьей, правившей тогда Гурией в союзе с той стороны с Турциею, женщиною довольно молодою еще, собою видною и известною в том краю по бойкости своей и влиянию, которое она в народе имела. Не будучи расположена с усердием к русским,

она впоследствии времени бежала в Требизонт с несовершеннолетним своим сыном, и через то фамилия сия лишилась права на владение Гурнею, для управления коей, кажется, назначен был русский комендант. Не могу утвердительно сказать, но кажется, что даже были тогда сделаны некоторые приготовления к сей экспедиции. После того генерал Гессе, предпринимавший несколько походов из Имеретии в ту сторону, имел постоянные неудачи. Проект сей, уничтожающий почти совершенно власть Паскевича, не мог ему нравиться, и он впоследствии времени не был взят во внимание никем. Когда же Грибоедов женившись, уехал в Персию, то З[авилейский], полагая себя как бы поверенным Грибоедова, сильно вступался за оный и уверял даже, что он находится на рассмотрении у министра финансов в Петербурге. Таким образом он мне однажды прочитал довольно длинное вступление к сему проекту. Оно было начертано Грибоедовым и было чрезвычайно завлекательно как по слогу, так и по многообразию новых мыслей, в оном изложенных; но по внимательном рассмотрении вся несообразность огромного предположения сего становилась ясною, и никто не остановился бы на сем любопытном, но неудобосостоятельном предположении, от коего З[авилейский] приходил в восторг. Я же готов думать, что Грибоедов, получив назначение министра в Персии, значительные выгоды и почести, сделался равнодушнее к своему проекту и, обратясь к новому предмету, стал бы о прошедшем говорить с улыбкою, как о величественном сне, им виденном, при чем вероятно не пощадил бы и З[авилейского], к которому невозможно было, чтобы он имел дружбу или уважение.

1829 г.

... Однажды поутру З[авилейский] приехал ко мне и с большим смущением объявил мне втайне, что из Персии получено известие, что Грибоедов убит в народном возмущении. Он показывал заботу, как довести известие

сие до сведения Прасковьи Николаевны и семейства Чавчавадзевых. Первой не было дома; по возвращении ей объявили о смерти Грибоедова, и так как она к нему в особенности благоволила, то и огорчилась сим известием и несколько времени плакала. От Чавчавадзевых долго скрывали сие известие; но как оно уже сделалось гласным во всем городе, то Прасковья Николаевна рассудила за лучшее объявить о сем матери и бабке Нины, дабы предупредить неосторожное и внезапное объявление сего родственниками-грузинами, которые по нескромности своей могли сие сделать не во-время и не в пору, и через сие испугать женщин и наделать повой тревоги; ибо они Нину любили без памяти и, не имея настоящих сведений о положении ее в Персии, стали бы весьма беспокоиться. Объявление Прасковьи Николаевны произвело много хлопот: слезы, вопли, стоны не умолкали в соседстве нашем, их было слышно из нашего дома; но к сему случаю были припасены лекаря и все нужные средства, и последствий никаких не было. Мать Нины, княгиня Саломе, билась, кричала и с нетерпением переносила скорбь свою; но старуха Чавчавадзе проливала в тишине слезы, и горечь ее изъяснялась молчанием и задумчивостью. Женщина сия была почтенная и всеми уважаена.

Засим желали иметь подробнейшие известия о смерти Грибоедова, но никто их не мог дать. Говорили, что приехал курьер, передавший бумагу, в коей было написано, что он убит или умерщвлен злодейски в Тегеране, в народном смятении, со всем посольством своим, и что спасся только один чиновник Мальцов. Между тем Нина оставалась в Таврисе; она была беременная, молодая женщина, едва супругок, взятая из дому родительского и оставшаяся одна среди народа безнравственного, разъяренного. Сле могло точно всех беспокоить, и положение ее было истинно-бедственное. Отец ее был окружным начальником в Эривани; он, кажется, просился ехать в Персию, дабы вывезти дочь свою, но ему было позволено ехать

только до границы. Кажется, при Нине оставался двоюродный ее брат Роман Чавчавадзе; или, по крайней мере, он вскоре приехал к ней и, сколько было у него сил, он старался ей помочь, заступая в то время место покровителя ее, и дело об убийстве ее мужа было от нее скрыто до самого возвращения ее в Тифлис.

Теперь должен я изложить, с известными мне подробностями, обстоятельства смерти Грибоедова, о коей столько говорят и имеются различные мнения. Иные утверждают, что он сам был виною своей смерти, что он не умел вести дел своих, что он через сие происшествие, причиненное совершенным отступлением от правил, предписанных министерством, поставил нас снова в неприятные сношения с Персиею. Другие говорят, что он подал повод к возмущению через свое сластолюбие к женщинам. Наконец, иные ставят сему причину слугу его Александра... Все же соглашаются с мнением, что Грибоедов, с редкими правилами и способностями, был не на своем месте, и сие последнее мнение, кажется, частью основано на мнении самого Паскевича, который не много сожалел о несчастной гибели родственника своего (он был двоюродный графине), невзирая даже на важные услуги ему Грибоедовым оказанные, без коего он, может быть, не управился бы в 1826 и 1827 годах, при всех кознях и ссорах, происходивших в Грузии во время смены главнокомандующих, и без помощи коего он бы не заключил столь выгодного с Персиею мира. Паскевич имел неудовольствия на Грибоедова, и причиною оных было то, что последний, будучи облечен званием министра двора нашего в Персии, должен был сообразоваться с данными ему из Петербурга наставлениями и не мог слепо следовать распоряжениям Паскевича. Прямые же сношения Грибоедова с министерством иностранных дел, минуя Паскевича, были неприятны последнему. Я же был совершенно противоположного мнения.

Не заблуждаясь насчет выхваленных многими добродетелей и правил Грибоедова, коих я никогда не находил

увлекательными, я отдавал всегда полную справедливость его способностям и остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии был совершенно на своем месте, что он заменял нам там единым своим лицом двадцатитысячную армию, и что не найдется, может быть, в России человека столь способного к занятию сего места. Он был настойчив, знал обхождение, которое нужно было иметь с персиянами, дабы достичь своей цели, должен был вести себя и настойчиво относительно к англичанам, дабы обращать в нашу пользу персиян при доверенности, которую англичане имели в правлении персидском. Он был бескорыстен и умел поработать умы если не одними дарованиями и преимуществами своего ума, то твердостью. Едиными сими средствами Грибоедов мог поддержать то влияние, которое было произведено последними успехами оружия нашего между персиянами, которые на нас злобствовали и по легковерию своему готовы были сбросить с себя иго нашего влияния, по случаю открытия турецкой войны (а на нее были обращены почти все наши войска). Сими средствами мог он одолеть соревнование и зависть англичан. Он знал и чувствовал сие. Поездка его в Тегеран для свидания с шахом вела его на ратоборство со всем царством персидским. Если б он возвратился благополучно в Таврис, то влияние наше в Персии надолго бы утвердилось; но в сем ратоборстве он погиб, и то перед въездом своим одержав совершенную победу. И никто не признал ни заслуг его, ни преданности своим обязанностям, ни полного и глубокого знания своего дела.

Грибоедов поехал из Тавриса в Тегеран, дабы видеться с шахом, а между тем кончить и некоторые дела по требованиям нашим на основании мирных договоров, которых персияне не хотели было исполнить. Он достиг цели своей, и между сими домогательствами ему удалось даже извлечь из гарема Аллаяр-Хана (зятя шахского и первого министра его, первой особы в Персии, того самого, который был взят нами в плен при занятии Тавриса) двух

армянок, взятых в плен в прошлую войну в наших границах, кои находились у него в наложницах и о возвращении коих, на основании мирных договоров¹¹⁵, ходатайствовали, кажется, родители пленниц. Сие могло удасться только одному Грибоедову; ибо шах был вынужден отдать приказание зятю своему (нашему первому в Персии врагу) о возвращении их только по неотступной настойчивости и угрозам Грибоедова. Женщины сии были приведены к нему в дом, где и ожидали выезда посланника, дабы с ним следовать в Таврис и оттуда на родину. Но озлобленный и ревнивый Аллалр-Хан не мог перенести ни оскорбления, ему нанесенного, ни удаления своих наложниц. Он стал волновать народ и даже в мечетях приказал произносить на нас проклятия, дабы более остервенить против нас чернь. В народе было заметно волнение уже несколько дней. О сем предупреждали Грибоедова; но он пренебрегал слишком персиянами и, будучи убежден в преимуществе, которое он имел над ними, был уверен, что одного появления его, одного присутствия его будет достаточно, чтобы остановить толпу; притом же уклонение казалось ему мерою неприличною, и страх не мог им овладеть. Между тем, волнение усиливалось, народ начинал толпиться на улицах и площадях и произносить оскорбительные для посланника нашего выражения и угрозы. Недоставало только искры, от коей бы пламя занялось, и искра сия вскоре показалась.

Слуга Грибоедова, Александр, молодой человек преизбалованный и коего он находил удовольствие возвышать против звания его, человек сей стал приставать к армянкам, содержащимся в доме. Женщины сии, может быть, и до сего уже недовольные тем, что их взяли из пышного гарема для возвращения в семейства, где они бы стали вести жизнь бедную и в нужде, оскорбленные ласками и приемами Александра, выскочили в двери и, показавшись на улицу, стали кричать, что их бесчестят, насильничают. Что между ними было, того никто не знает; ибо свидете-

лей никого не осталось. Иные говорили, что будто сам Грибоедов хотел их прельстить; но сие невероятно, не потому, чтобы он не в состоянии оказать неверность жене своей (я полагаю, что правила его не воспрепятствовали бы сему), но он бы не сделал сего никогда, дабы не навлечь порицания званию своему, особливо в тогдашних обстоятельствах и сношениях своих с Аллаяр-Ханом.

Происшествия сии я рассказываю по тем сведениям, которые я мог изустно собрать; за точную же справедливость оных ручаться не могу.

В сие уже смутное время, армянин Рустам, молодец собою, тот самый, который первый схватил Аллаяр-Хана (когда его в плен взяли при занятии Тавриса, что выше описано ¹¹⁶), шел по городу и по обыкновению своему расталкивал с дерзостью толпившийся на базаре народ. Кажется, возвращаясь в дом посольства, Рустам был окружен разъяренною толпой. Он стал защищаться, но был вмиг растерзан; его умертвили, волочили по улицам труп его и, рассекши оный на части, разметали.

Народ собрался с шумом перед домом посланника (который тогда из осторожности заперли) и требовал выдачи одного армянина, служившего при посольстве, как и Рустам, в должности курьера. После некоторых переговоров, не знаю, кем веденных, армянина выдали, и он был в то же мгновение повешен перед домом посольства.

Сими жертвами народ не удовольствовался и, поощренный успехом, стал требовать самого посланника. Разбивши караул, стоявший у дома и состоявший из 16 или 20 персидских джанбазов ¹¹⁷ с офицером, из коих 2 или 4 солдата было убито или ранено, народ вломился во двор и напал на людей, чиновников и казаков посольства, которые долгое время защищались, удерживая с упорством всякую дверь. При посольстве сем было около 15 линейных казаков, молодцов, которые отличились в сем случае мужеством своим, побили много персиян, но все погибли, защищая начальника своего.

Мне говорили, что ужасный приступ сей продолжался более двух часов, и я удивляюсь, что Грибоедов сам тут не присутствовал. Но сие невероятно: не в подобном случае упал бы дух в сем человеке, мне довольно известном. Может быть, что сведения по сему предмету недостаточны, ибо почти никого свидетелей не осталось: почти все чиновники, слуги посольства и казаки были растерзаны, и в числе их и слуга Грибоедова Александр. Когда народ осадил уже и самую комнату, в коей находился Грибоедов, рассказывают, что он тогда отпер двери и стал у порога, показываясь народу, и с бодрым духом спросил, чего они хотят. Внезапное появление его, смелая осанка, выражение слов его (он знал хорошо по-персидски) остановили разъяренную толпу, и дело пошло на объяснения, как Грибоедов был неожиданно ударен и повержен без чувств на землю большим камнем, упавшим ему на голову. Персияне, встречая сильные затруднения к достижению посланника, еще с самого начала приступа, обратились к плоским крышам, по коим, добежав до покоев Грибоедова, разрыли землю, покрывавшую оный, разобрали старый потолок и во время разговора пустили роковой камень в голову Грибоедова. Надобно, впрочем, полагать, что встреча его с народом несколько украшена. Народ можно было остановить до кровопролития, но после долгого упорного боя вряд ли присутствие лица, на коем возлегало все мщение народа, сколь бы оно ни осанисто было, могло бы остановить чернь. Надобно также думать, что Грибоедов не был до того времени в совершенном спокойствии, ибо вмиг нельзя разгородить и разобрать крышу, дабы пустить сквозь оную камень; все сие происходило, вероятно, в шуме и в драке.

Но с роковым камнем кончилось и все. Вслед за сим ударом последовал удар сабли, нанесенный Грибоедову одним из присутствующих персиян, и после того толпа уже бросилась на него, поразила многими ударами, и обезображенный труп Грибоедова выброшен на улицу.

Дом посольства был разграблен, и лучшие вещи, принадлежавшие чиновникам, очутились вскоре у шала, который не упустил и сего случая для удовлетворения своему корыстолюбию.

Из хода сего дела заключают, что сам шах и все персидское правительство знало об умысле Аллаяр-Хана и тайно допустило совершение злодеяния: полагали даже, что англичане, видя верх, который Грибоедоч над ними начинал брать, из-под руки склоняли главных чиновников Персии к дерзкому поступку. Нельзя полагать, чтобы они хотели довести дело до такой степени; но весьма немудрено, что они желали какого-либо происшествия, последствием коего было унижение нашего посланника и уменьшение его влияния.

Участие, принятое в сем смертоубийстве персидским правлением, ясно доказывается тем, что оно было заблаговременно предуведомлено о намерении народа, тогда еще как Грибоедову советовали укрыться в смежной с квартирою его армянской церкви, из коей ему бы можно было уклониться и бежать из Тегерана, что он отверг с презрением. Люди, доведшие сие до сведения шаха и губернатора Тегерана (одного из сыновей его¹¹⁸), будучи преданы нам, просили помощи и присылки войск для разогнания собравшегося народа; но шах и губернатор медлили, вероятно с намерением, дабы допустить злодеяние, и отряды персидской пехоты пришли к квартире посланника, когда все было уже кончено. Иные полагают, что шах, зная остервенение, в коем чернь находилась, опасался противоборствовать оной, дабы не обратить оную на себя. Впрочем, и войско равно ненавидело русских и вряд ли стало бы действовать против народа. После говорили мне, что и слухи об упорной защите посольского персидского караула были несправедливы, что караул сей, увидя решительность народа, тотчас разошелся и что едва ли один из солдат оного был легко ранен; говорили даже, что и они приняли участие в разграблении посольского дома.

Из всего посольства спасся только один чиновник Мальцов. Иные говорят, что он при начале волнения побегал в шахской дворец, дабы просить от персидского правительства помощи; но кажется, что дело иначе было¹¹⁹. Мальцов укрылся в нужное место, как говорят, и средство к уклонению его было дано ему одним армянином, коему он предложил тогда находившиеся при нем 50 червонцев (ибо всякий опасался в такое время показать какое-либо участие к жертвам, дабы не быть открытым и через сие не пострадать). Мальцову удалось пробраться до шахского дворца, где его, как говорят, сперва спрятали в сундук, ибо сам шах боялся возмущения. Когда все затихло, он остался во дворце под покровительством самого шаха, и наконец выехал в Грузию. Кроме его, кажется, не было очевидного вестника сему ужасному происшествию. Мальцова многие обвиняли в том, что он не погиб с Грибоедовым. Не знаю, справедливо ли сие обвинение. Мальцов был гражданский, а не военный чиновник и не вооруженный, секретарь посольства, а не конвойный: целью посольства были не военные действия, где бы его обязанность была умереть при начальнике. На них напали врасплох, резали безоружных, и я не вижу, почему Мальцов не прав в том, что он нашел средство спасти себя, и, может быть, еще с надеждою прислать помощь к осажденному посольскому дому. Впрочем, он, кажется, по домашним связям своим был близок к Грибоедову, и о поведении его подробнее вышеизложенного я не знаю. Может быть, и есть обстоятельства, мне неизвестные, которые в общем мнении обвиняют его поступок. Я его лично не знаю, едва видел его в Тифлисе; в пользу его не было ничего особенно слышно.

Нина Грибоедова была в Таврисе и беременна во время сего происшествия, которое от нее скрыли. Двоюродный брат ее, Роман Чавчавадзе, по совету англичан, пребывавших в Таврисе, из коих поверенный в делах имел весьма умную и приятную жену, перевез ее к ним в дом.

Мера сия была тем нужнее, что в Таврисе оказывалось беспокойство в народе, в коем воспрянула придавленная злоба к русским по получении известия о случившемся в Тегеране. Не менее того, Аббас-Мирза старался показать большое огорчение и даже наложил на несколько дней траур.

Нину уверяли, что ее перевезли к англичанам по воле мужа ее, которого дела задерживают на некоторое время еще в Тегеране; наконец, когда списались с Тифлисом, ей сказали, что ее везут в Тифлис также по воле мужа ее, который ее в дороге нагонит. Верила ли сему несчастная вдова, того не знаю; но не полагаю, ибо она не получала от мужа писем. Ее привезли с большою опасностью до границ наших, где ее, кажется, встретил отец и привез в Тифлис. Ее остановили в карантине, куда к ней ездили для свидания родственники. Она была молчалива, мало упоминала в речах о муже и, казалось, догадывалась об участи своей.

Но Нина претерпела все сии бедствия в состоянии беременности, коей было уже 7 или 8 месяцев, когда Прасковья Николаевна, опасаясь, дабы до нее не дошло известие о гибели мужа стороннею дорогою и с неосторожностью, решила объявить ей о сем. Нина не металась в отчаянии; она плакала, но тихо, и скрывала грусть свою. Печаль же на нее столько подействовала, что она через несколько дней после того выкинула еще живого ребенка, который через несколько часов умер. Тут стали обвинять в сем Прасковью Николаевну, коей участие и принятое на себя звание возвестительницы столь печального происшествия могли только честь сделать¹²⁰; ибо подобные порученности бывают самые неприятные. В числе обвинителей замешался и Мартиненго, человек, которого она всегда отличала; он находил, что ребенок мог жить и что он умер от нераспорядительности Прасковьи Николаевны. Сие произвело несколько разговора в городе, но тем и кончилось.

Правительство наше требовало выдачи тела Грибоедова, дабы похоронить оное с честью. То ли самое тело, или другое какое-либо, было привезено в Тифлис? Открывавшие гроб в Желал-Оглинском карантине говорили мне, что оно было очень обезображено, порублено во многих местах и, кажется без одной руки, но сие уже было летом следующего 1829 года. Труп сей похоронили с надлежащей почестью у монастыря святого Давыда, построенного на горе за домом нашим. Вдова и все родственники ее, а также и наши, провожали гроб; многочисленная толпа тифлисских жителей, собравшихся без приглашения, следовала за печальным шествием. Там построили арку, которая видна из всего города. Грибоедов любил картинное место сие и часто говаривал, что ему там бы хотелось быть похоронену.

Нина осталась печальна, скрывала грусть свою и тем более вселила к себе участие. З[авилей]ский искал руки ее; но он заблуждался, когда надеялся, что добродетельная Нина могла выдти за него замуж ¹²¹.

Однако, правительство наше не могло оставить нанесенное оному поругание в убиении посланника без внимания. Персидский двор уверял, что несчастное событие сие приключилось без ведома оногo, и что виновные будут наказаны; а между тем, по получаемым сведениям, известно было, что персидские войска собирались около Тавриса. Многие говорили, что мера сия была только предостерегательная на случай вторжения наших войск: но не менее того, брожение умов в Персии было чрезвычайное: хотели возобновить войну с Россиею, полагаясь на то, что мы были заняты войною с Турдиею. И в самом деле, обстоятельства наши в Грузии в таком разе были бы несколько затруднительны; но с обеих сторон остались в покое. Нас точно занимала турецкая война, а персияне еще не забыли прошедших побед наших. Мы требовали выдачи виновников в смерти нашего посланника; нам обещались их выдать, но не выдавали и, наконец, не

выдали. Требовали, чтобы по крайней мере сын Аббас-Мирзы, Хозрой-Мирза, приехал для испрошения у государя прощения. И в том медлили, боялись его выслать в Россию; наконец его прислали в Тифлис уже в мае месяце 1829 года, без всяких наставлений от персидского двора и даже без позволения далее ехать. Паскевич отправил его почти насильно в Россию, против воли отца, и особливо деда его, с которыми все велись переговоры по предмету сему и, наконец, Хозрой-Мирза получил уже в Царском Селе наставления от шаха относительно порученности, на него возлагаемой.

Всем известен прием, оказанный ему в Петербурге ¹²², речь его, сочиненная, вероятно, в иностранной коллегии нашей и напечатанная в ведомостях, в коей он просил от имени родителей своих прощения за убийство нашего посланника. Ему удалось еще, кроме того, выпросить у государя прощения 2 куруров из 8, наложенных в дань с Персии при заключении мира, что составляло 20.000.000 уступки с 80.000.000 ¹²³, о чем и прежде персидский двор настоятельно просил, но чего Грибоедов не хотел уступить, и это было также причиною злобы на него персиян, которые, как к концу дела оказалось, достигли своей цели убийством посланника нашего. Причиною сего была, без сомнения, турецкая война, коею персияне искусно воспользовались тогда; но можно ли полагать, чтобы злодеяние их, коварство и нарушение всех прав народных остались впоследствии времени без наказания со стороны России?

Хозрой-Мирза возвратился из Петербурга в Тифлис уже в конце 1829 или в начале 1830 года; он не нашел у Паскевича приема, подобного тому, который ему оказывали в России: у нас лучше знали цену ему. Прихоти его не были всегда уважены, и он имел более одного раза случай вспомнить и о молодости своей и постичь ничтожность двора персидского; но вряд ли он мог сие уразуметь. Когда он приехал на границу Персии, его встретили еще с меньшей пышностью; он сожалел о Рос-

сии, где на него потратили миллионы. Но сие принадлежит уже к запискам следующего года, а потому и не буду здесь распространяться о сем предмете.

Место Грибоедова в Персии заступил князь Долгорукий, уже по возвращении Хозрой. Нельзя не приписать к умению его то, что он поладил с двором персидским; но я не полагаю, что он достиг того влияния, до которого Грибоедов отчасти уже добился. Впрочем, и персидский двор старался загладить вину свою; но, не менее, всякая похвала принадлежит первому водворившему опять в Персии звание посланника нашего, после умерщвления Грибоедова, и сие без сомнения было сопряжено с большою опасностью, ибо народ ненавидел нас и хвалился еще торжеством своим.
